

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

Исаак Эммануилович Бабель

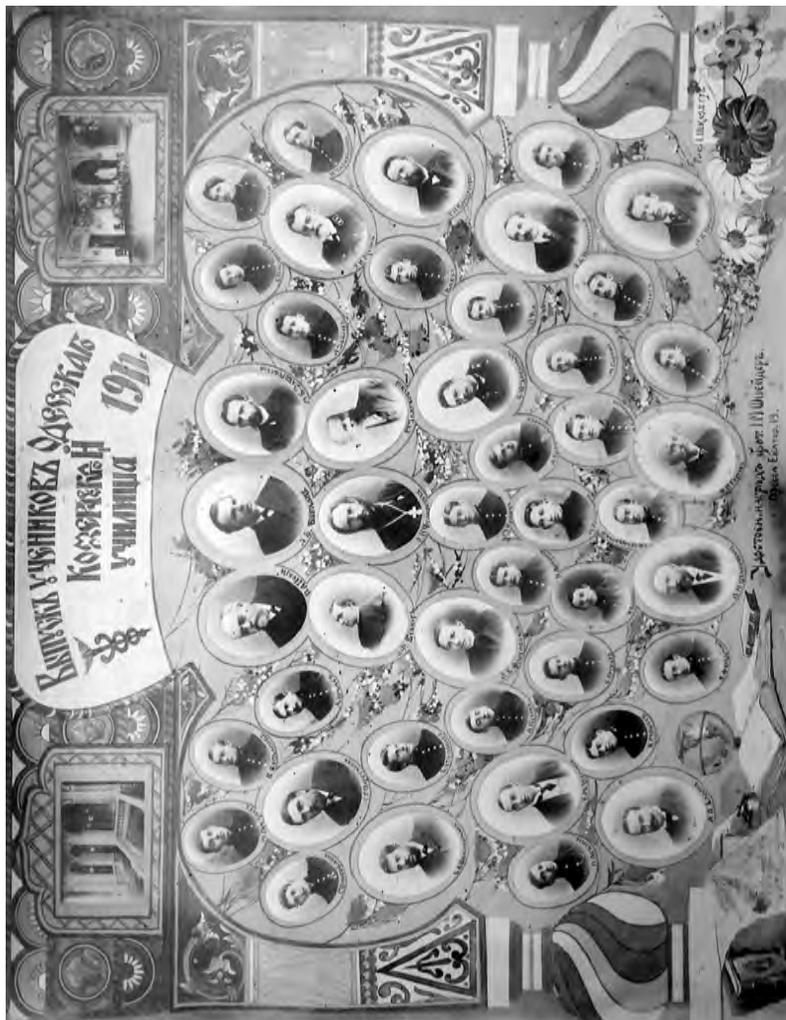
Неожиданная находка

Биография великого одессита Исаака Эммануиловича Бабеля подробно изучена самыми разными исследователями. О нем написано множество статей, монографий, книг, мемуаров – очень авторитетными одесскими и столичными авторами. Мы тоже слегка прикоснулись к бабелевской теме, описав в статье «Роль земледельческих машин в судьбе И. Бабеля» уникальную находку – доселе никому не ведомый рекламный бланк фирмы Эммануила Бабеля, где четко прописаны производства, с которыми он сотрудничал (Дерибасовская – Ришельевская, № 44), и еще много интересного.

Наша новая уникальная находка, на сей раз фотографическая, заставила нас вновь заняться поисками вокруг И. Бабеля. Неожиданно нам попала выпускная виньетка в тяжелой золоченой раме Одесского коммерческого училища имени императора Николая I за 1911 год.

Среди фотографий 27 выпускников и 18 преподавателей сразу бросился в глаза снимок будущего писателя Исаака Бабеля.

Виньетка выполнена известным в городе маститым фотографом, который «по высочайшему повелению» пожалован был званием «личного почетного гражданина Одессы», Иосифом Шнейдером, фотосалон которого находился всегда в самом центре Одессы, в этом году – на улице Екатерининской, 19, вблизи Дерибасовской. Наград мастера на паспарту его фотографий, в том числе и личных благодарностей высочайших особ Российской империи, множество. Это члены российского императорского дома: «ее императорское высочество великая княгиня Александра Иосифовна, его императорское высочество великий князь

Константин Константинович, ее высочество принцесса Е.Г. Саксен-Альтенбургская и прочие». Лестных отзывов и благодарностей фотография И. Шнейдера удостоена от «члена Государственного совета А.А. Сабурова, его сиятельства князя А.Е. Гагарина, господина президента Французской Республики, короля английского, царя болгарского, греческого королевича Андрея и других высокопоставленных особ». Интересно, что в разряд «других» попал со временем одесский градоначальник граф П.П. Шувалов, после того как перестал занимать этот пост в Одессе.

При этом в рекламе заведения Шнейдера сказано: «Цены умеренные. Исполнение аккуратное и добросовестное. Срочные заказы в 24 часа».

Фотографу в оформлении виньетки помогал очень интересный художник – И.А. Шклявер. Иосиф Акимович Шклявер (1871-1941) учился в Одесской рисовальной школе, затем в 1902-1909 годах в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Вернувшись в Одессу, Шклявер преподавал в средних учебных заведениях графическое искусство и чистописание, участвовал во многих городских выставках. Его работы успешно продаются по сей день на художественных аукционах.

Видимо, для художника украшение виньетки было подработкой, как сейчас говорят – «халтурой». В заглавии виньетки Шклявер разместил символ торговли, крылатый жезл – кадуцей – бога торговли Меркурия (Гермеса). Шрифт заглавной надписи и некоторые элементы рисунка выполнены в древнерусском стиле. Портреты учеников и преподавателей обрамлены растительным орнаментом.

А теперь логично было бы рассказать об учебном заведении, в которое И. Бабель попал по желанию своих родителей, мечтавших видеть его успешным коммерсантом. Однако в № 61 альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», вышедшего весной 2015 года, появилась обстоятельная статья заместителя директора Одесского литературного музея по научной работе Алены Яворской по истории создания и работе Коммерческого училища в Одессе.

Поэтому, чтобы не повторяться, расскажем лишь об аспектах, связанных с фотографической виньеткой и изображенных на ней преподавателях и соучениках И. Бабеля.

Здание Коммерческого училища в начале Преображенской улицы

Коммерческое училище – первое на юге Российской империи такого рода заведение – было создано в 1862 году по инициативе одесского купечества и поначалу размещалось в наемных помещениях. Лишь в 1877 году по проекту архитектора Феликса Гонсиоровского было выстроено собственное здание прекрасной архитектуры в начале Преображенской улицы (№ 8).

Два красивейших внутренних вида Коммерческого училища, наперебой расхваленного многими путеводителями по Одессе, фотограф И. Шнейдер разместил на виньетке. На одном снимке – парадная лестница «из мрамора в три марша, с широкой площадкой между ними, и круговая с арками и пилястрами открытая лоджия в верхнем этаже». На другом снимке – актовъ зал с внушительной мраморной скульптурой императора Александра II, выполненной по специальному заказу одесского купечества «во весь рост, в царской мантии, со скипетром и жезлом в руках». Скульптура водружена на постамент и обрамлена бархатной драпировкой. Император Николай I, имя которого было присвоено училищу, удостоился надписи на фронтоне здания «В память

императора Николая I» и живописного портрета в полный рост, в разные годы размещавшегося на разных стенах актового зала.

Кроме того, на фронте была хорошо различима надпись, что училище учреждено одесским купечеством. Как и в других коммерческих училищах Российской империи, в Одесском коммерческом училище Николая I еврейская квота была равна проценту бюджета учебного заведения, поставляемому еврейским купечеством Одессы, то есть была велика. Однако большой наплыв желающих получить коммерческое образование в торговом городе Одессе составлял определенную конкуренцию при поступлении.

Плата за обучение в таком учебном заведении была установлена сначала в 60, затем в 100 рублей, на рубеже веков попечительский совет училища, состоявший из крупнейших одесских купцов, повысил плату до 125 рублей, а отцу И. Бабеля уже пришлось вносить 135 рублей в год за обучение сына коммерческим наукам.

В своих автобиографиях, составленных в разные годы, Исаак Эммануилович поминает свое учебное заведение добрыми словами:

«Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов.

На переменах мы уходили бывало в порт на эстакаду или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино».

Порт и эстакада находились вблизи училища, не было недостатка и в греческих кофейнях поблизости. Однако трудно себе

И. Бабель

представить, сколько длились перемены в училище, если учащиеся успевали сбегать на Молдаванку, а путь туда занимал не менее 20 минут быстрым шагом, насладиться вином и вернуться в alma mater к следующему уроку. Видимо, эти походы совершались после окончания занятий, и Бабель немного лукавил.

Фотография 17-летнего Бабеля на виньетке, как и его соучеников, была повторена фотографом И. Шнейдером в кабинетном, или визитном формате, по традициям того времени. Нам известны аттестаты многих учебных заведений Российской империи, в том числе и Одесского коммерческого училища, к которым прикреплялся специальными нитками снимок визитного формата с портретом выпускника. Видимо, снимок, выполненный фотографом Шнейдером, прикреплялся к аттестату И. Бабеля, и вот уже много лет приводится в многочисленных трудах о детстве и юности будущего писателя. Многие соученики Исаака Эммануиловича, что видно из фотографий на виньетке, выглядят значительно старше его.

Воспоминания о совместной учебе с Бабелем и дружеских отношениях с ним в течение его недолгой жизни «Мы были знакомы с детства» («Воспоминания о Бабеле», «Книжная палата», Москва, 1989 год) оставил Мирон Наумович Берков, который много лет сидел за одной партией с Бабелем. Фотография юноши с пробором М. Беркова размещена на виньетке правее фотографии И. Бабеля. В отличие от Исаака Эммануиловича, Мирон Берков окончил училище с отличием, получил звание коммерции советника и работал после окончания в конторе Русского колониального общества в Одессе, позднее обосновался в Киеве. Школьные друзья неизменно посещали друг друга, оказываясь в одном городе. Бабель, работая над сценарием фильма по произведению «Как закалялась сталь» для Киевской киностудии в 1937 году, несколько месяцев прожив в Киеве, часто навещал друга детства. Это были их последние встречи. Мирон Наумович пишет, что, приехав в Москву в 1939 году, он узнал, что И. Бабель арестован.

Заметим «в скобках», что Исаак Эммануилович в 1920-1930-е годы для заработка писал сценарии для многих фильмов. Так, например, в нашей коллекции сохранился почтовый конверт, «прошедший почту» внутри Киева в 1928 году, на котором

стоит рекламный штамп фильма «Джимми Хиггинс» за сценарием Бабеля та романом Е. Синклера». Подобная реклама на конвертах, отправляемых по почте, была разрешена властями в 1924 году.

Но вернемся к разговору о школьных товарищах И. Бабеля. Еще один известный нам друг и одноклассник Бабеля – Исаак Леопольдович Лившиц, который, в отличие от М. Беркова, так и не написал воспоминания о своем друге, сколько ни уговаривала его вдова Бабеля Антонина Николаевна Пирожкова. Однако в 2007 году, через много лет после смерти И. Лившица, опубликованы письма Исаака Бабеля Исааку Лившицу с 1923 по 1940 год из личного архива семьи Лившиц. Исаак Лившиц был верным другом писателя, его поверенным в личных делах, доверенным лицом в вопросах книгоиздания. Письма великого писателя другу наполнены обычными житейскими заботами, тревогами о здоровье родных, собственном нездоровье, жалобами на безденежье. Но наряду с этим он серьезно писал о своей работе, о литературных планах, что было для него главным и составляло смысл жизни.

М. Берков

И. Лившиц

С. Грубер

Кроме писем сохранились книги И.Э. Бабеля с теплыми дружескими дарственными надписями, как, например: «Милым Лившицам вечным друзьям». Хранить письма и книги репрессированного друга было очень рискованно, но, видимо, уничтожить память о близком человеке Исаак Леопольдович не мог, несмотря на нависшую нешуточную опасность.

Остались устные воспоминания Исаака Леопольдовича, записанные в начале 1970-х годов литературоведом С. Поварцовым, в которых он говорит, что с Бабелем подружился во втором классе. А в седьмом

классе будущий писатель «со товарищи» пытался издавать рукописный литературный журнал, что было в те времена в порядке вещей. К Буденному оба Исаака собирались вместе, но Лившица не пустили родители, а Бабель уехал. Фотографии Лившица и Бабеля на выпускной виньете расположены рядом, как бы касаясь друг друга.

Вероятно, прятельствовал юный Бабель с Абрамом Крахмальниковым – сыном владельца крупнейшей в Одессе фабрики сладостей братьев Крахмальниковых. Дружба прервалась в «окайные дни» в связи с отъездом купеческого семейства в полном составе в США.

Арон Вайнтрауб также входил в круг общения Бабеля, во всяком случае, известна фотография четырех учеников старших классов Коммерческого училища: И. Бабеля, И. Лившица, А. Крахмальникова и А. Вайнтрауба.

Дружил ли Исаак Эммануилович со своим однокашником Соломоном Ильевичем Грубером, сыном купца 2-й гильдии, мы утверждать не беремся. Но его снимок на виньете

соседствует со снимком Бабеля. По непостижимому стечению коллекционных обстоятельств, в нашем одесском собрании есть аттестат Соломона Грубера, согласно которому он «удостоен звания личного почетного гражданина, кандидата коммерции и награжден золотой медалью». Аттестат выдан 3 июня 1911 года, скреплен печатью училища и подписями председателя попечительского совета купца 2-й гильдии М. Крапивина и нескольких членов, директора училища А. Вырлана, инспектора М. Заборовского, секретаря педагогического комитета Г. Вандрачека.

Затронув тему попечителей и руководителей учебного заведения, перейдем к рассказу о преподавателях коммерческого училища, которые внесли некий вклад в становление личности будущего писателя.

Портрет директора училища действительного статского советника Александра Васильевича Вырлана помещен во главе виньетки. Он был опытным педагогом, поначалу преподавал историю в 4-й гимназии, а с 1896 года в коммерческом училище, которое со временем возглавил. Возможно, Вырлан был хорошим администратором, но как преподаватель истории он не нравился, по словам М. Беркова, И. Бабелю, так как излагал свой предмет сухо, не отступая от текста в учебнике.

Справа и слева от директора инспекторы училища: статский советник Мечислав Владиславович Заборовский, чья подпись стоит под коллекционным аттестатом, и статский советник Павел Андреевич Искра. В обязанности инспектора входило наблюдение за нравственностью и поведением учащихся. Как и директор, инспектор жил в помещении училища. М.В. Заборовский проработал много лет в училище преподавателем и лишь потом занял должность инспектора.

Интересно, что П.А. Искра в свое время был преподавателем русского языка и много лет с начала 1890-х годов до середины 1900-х инспектором коммерческого училища, но к 1911 году он в этой должности не состоял. Видимо, его поместили на виньетку, учитывая заслуги перед учебным заведением и то, что он был инспектором тогда, когда выпускники 1911 года только начинали учиться.

Павел Андреевич был неординарной фигурой среди преподавателей и научных работников Одессы. Потомок гетмана П. Полуботка, он написал в 1873 году кандидатскую диссертацию по окончании историко-филологического факультета Новороссийского университета на тему истории казачества и его взаимоотношений с властями. Это была первая и одна из немногих работ на такую неблагодарную в те времена тему.

В коммерческом училище преподавали законоучители: православного, римско-католического и иудейского вероисповедания. В центре виньетки снимок православного священника, с 1908 года настоятеля Александро-Невской домовый церкви при Одесском коммерческом училище Николая Алексеевича Чудновцева. Как и И. Бабель, бывший законоучитель был репрессирован властями в конце арестных 1930-х годов.

Слева от православного священника размещена фотография католического священнослужителя Филиппа Яковлевича Беккера, служившего в Новом костеле во имя святого Климента на Балковской улице угол Выгонной (ныне – Заньковецкой). Про этот костел И. Ильф и Е. Петров писали: «...Костел был огромен. Он врезался в небо, колючий и острый, как рыба кость...». «Красный» костел, построенный из красного кирпича, не спасла его революционная окраска, и он был варварски разрушен в 1930-е годы. Сохранился только элегантный дом католической церкви, расположенный рядом с костелом, но ближе к Бароновскому (Горбатову) мосту, где проживал Ф.Я. Беккер. Кроме коммерческого училища он работал законоучителем в Женском коммерческом училище Южнорусского немецкого общества и в женской гимназии А. Висковатой.

Бабелю и его друзьям иудейского вероисповедания преподавал законоучитель еврейской веры Давид Гершкович Златковский, проживавший в Новобазарном переулке (ныне – Богданова), 3. В автобиографии И. Бабель пишет, что «по настоянию отца до 16 лет изучал дома еврейский язык, Библию, Талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множественностью наук». Вероятно, он был подготовлен частными учителями по вопросам еврейской веры и не усердствовал на уроках, проводимых Златковским.

Приват-доцент по кафедре физической географии Новороссийского университета, надворный, позднее статский советник Сергей Георгиевич Попруженко учил будущих коммерсантов физике и математике, однако эти предметы И. Бабелю не давались, его не интересовали, и хороших отметок он у Попруженко не получал.

Сам Сергей Попруженко учился усердно и в Ришельевской гимназии, и в Новороссийском университете. В нашей коллекции есть «Похвальный лист» за отличную учебу и примерное поведение в 1883-1884 годах ученика 6 класса Ришельевской гимназии Сережи Попруженко.

С.Г. Попруженко

А в 1897 году кандидат университета Сергей Георгиевич Попруженко был приглашен своим однокашником и коллегой надворным советником Петром Васильевичем Катаевым и его супругой Евгенией Ивановной в качестве восприемника – крестного отца – их первенца, будущего писателя Валентина Катаева. Таинство совершилось в Скорбященской при Стурдзовской общине церкви.

М. Берков вспоминал, что на вопрос Бабелю, почему он так мало пишет, тот сказал: «У меня плохой характер. Вот у Катаева хороший характер. Когда он изобразит мальчика бледного, голодного и отнесет свою работу редактору, и тот ему скажет, что советский мальчик не должен быть худым и голодным, – Катаев вернется к себе и спокойно переделает мальчика, – мальчик станет здоровым, краснощеким, с яблоком в руке. У меня плохой характер – я этого сделать не могу».

Племянник Сергея Попруженко, сын его сестры Клавдии и протоирея Василия Флоровского, Антон Васильевич Флоровский в 1908 году окончил историко-филологический факультет

Новороссийского университета и в 25 лет уже преподавал в коммерческом училище русский язык. В 1916 году Флоровский стал профессором Новороссийского университета, а в 1922 – выслан из России. Вся его научная деятельность проходила за границей, но была посвящена изучению русской истории. На фотографии Антон Васильевич выглядит моложе некоторых своих учеников. Никто из друзей Исаака Эммануиловича по коммерческому училищу не упоминает этого ставшего выдающимся ученого-историка и незаурядного человека.

Из воспоминаний Мирона Беркова мы знаем, что директор коммерческого училища был слабым преподавателем истории, но в последний год его заменил намного более интересный преподаватель, великолепно знавший историю, надворный советник Григорий Нарцисович Вандрачек, с которым Бабель подружился. Кроме коммерческого училища Григорий Нарцисович преподавал историю в женской гимназии А. Гореевой.

Однокашники Бабеля в своих воспоминаниях сходятся на большом значении для будущего писателя преподавателя французского языка в училище Александра Александровича Вадона. Нельзя не привести слова самого Исаака Эммануиловича о школе, которая была для него незабываема потому, что учителем французского языка там был мсье Вадон: «Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке». Вспоминая выступление И.Э. Бабеля на конгрессе во Франции, Илья Эренбург отмечал в своем предисловии к произведениям Бабеля: «...Он говорил по-французски свободно, весело и мастерски».

Одесскому журналисту Михаилу Биноу («Дерибасовская – Ришельевская», № 14) удалось установить, что А.А. Вадон – обрусевший француз, однако не бретонец, как думал Бабель, а провансалец, предки которого жили на юге Франции, в Провансе. Александр Александрович родился в Херсоне в 1873 году и со временем, согласно семейным традициям, отправился получать образование на родину предков. Он успешно окончил Сорбонну, вернулся в Россию и обосновался в Одессе. Кроме работы

в училище давал частные уроки. Умер в Одессе в 1933 году. Исаак Лившиц вспоминал о любимом преподавателе Бабеля, что отец его был французским консулом в Николаеве.

Учитель немецкого языка статский советник Эмилий Иванович Озецкий не оставил яркий след в душе учеников. По свидетельству М. Беркова: «Herr Озецкий был близорук и обыкновенно вел свой урок, сидя на кафедре и не замечая, что делается на партах. Бабель на его уроках работал до самозабвения над французским языком. Заканчивая свою работу, он вдруг издавал громко какой-то звук – знак не то удовлетворения, не то удовольствия. Озецкий всегда в этих случаях, обращаясь к Бабелю (он называл его Бабыл), произносил одну из двух фраз: «Бабыл, machen Sie keine faule Witzensfu» или «Aber, Бабыл, sind Sie verrikkkt?» («Оставьте свои плоские шутки», «Вы что, с ума сошли?»).

Для будущих коммерсантов в училище преподавали английский язык. И.Л. Лившиц вспоминал некоего англичанина Герда: «Этот учитель обладал вспыльчивым характером и, когда сильно гневался на кого-то

А.В. Флоровский

А.А. Вадон

из школяров, кричал на весь класс: «Еще один паршивый улыбка на ваших лицах, и я вас вигоню!». Однако статский советник Роберт Робертович Герд оставил своих учеников около 1910 года, и в последнем классе английскому Бабеля и его товарищей обучал молодой преподаватель Алексей Владимирович Прокудин, чей портрет попал на виньетку.

Кроме общеобразовательных предметов в старших классах училища преподавали специальные: коммерческую арифметику, химию, товароведение, бухгалтерию и коммерцию, политическую экономию и законоведение.

Предмет «коммерческая арифметика» – это обучение искусству делать коммерческие выкладки, касающиеся цен на товары, процентов, процентных бумаг, переводов сумм, выраженных в деньгах одной страны, в деньги другой и т. п. Его вел профессор по кафедре чистой математики Новороссийского университета, преподаватель физико-математического факультета Одесских высших женских курсов статский советник Владимир Акимович Циммерман.

Бухгалтерии и коммерции обучал в коммерческом училище, на удивление, юрист по образованию, помощник присяжного поверенного Евгений Михайлович Зусман.

Приват-доцент Новороссийского университета по кафедре уголовного права и судопроизводства, магистр уголовного права, титулярный советник Эммануил Яковлевич Немировский читал в коммерческом училище курс политической экономии и законоведения. Преподавал он также на высших женских курсах.

Инженер-технолог Евгений Юльевич Зевальд был фабричным инспектором 1-го участка Херсонской губернии; почетным членом Общества защиты женщин; членом Технического общества. Ко всем этим занятиям около 1910 года он взялся преподавать в коммерческом училище химию и товароведение.

На двух снимках внизу виньетки – помощники классных наставников Семен Петрович Горбов, чей сын заканчивал учебу одновременно с И. Бабелем, и Алексей Николаевич Цеханович.

Коммерческие специальные предметы будущего писателя не интересовали, преподаватели этих предметов были людьми толковыми, сведущими в своих отраслях, но не оставили след в душе И. Бабеля, которого уже тогда влекло литературное творчество.

Познание будущим великим писателем И. Бабелем жизни, характеров людей происходило не только в стенах солидного учебного заведения, но и по дороге домой. Вот как пишет об этом сам писатель в неоконченной автобиографической новелле «Детство. У бабушки», написанной в 1915 году, а опубликованной впервые в 1965 году:

«По субботам я возвращался домой поздно, после шести уроков. Хождение по улице не казалось мне пустым занятием. Во время ходьбы удивительно хорошо мечталось, и всё, всё было родное. Я знал вывески, камни домов, витрины магазинов. Я их знал особенно, только для себя и твердо был уверен, что вижу в них главное, таинственное, то, что мы, взрослые, называем сущностью вещей. Все мне крепко ложилось на душу. Если говорили при мне о лавке, я вспоминал вывеску, золотые потертые буквы, царпину в левом углу ее, барышню-кассиру с высокой прической и вспоминал воздух, который живет возле этой лавки и не живет ни у какой другой. А из лавок, людей, воздуха, театральных афиш я составлял мой родной город. Я до сих пор помню, чувствую и люблю его; чувствую так, как мы чувствуем запах матери, запах ласки, слов и улыбки; люблю потому, что в нем я рос, был счастлив, грустен и мечтателен, страстно неповторимо мечтателен.

Шел я всегда по главной улице, там было больше всего людей.

Ходьба занимала у меня много времени. Я долго рассматривал бриллианты в окне ювелира, прочитал театральные афиши от а до ижицы, а однажды осматривал в магазине мадам Розали бледно-розовые корсеты с длинными волнистыми подвязками».

За годы своей недолгой жизни Бабель сменил множество городов – Николаев, Киев, Ростов-на-Дону, Нальчик, Молоденово, Кисловодск, Борисполь, жил во Франции, но неизменно смотрел на мир глазами одессита: «Представьте себе Одессу, достигшую расцвета. Это будет Марсель».

